

Раздел 2. Гуманитарное образование в аспектах преподавания и личностного развития студентов

УДК 141.78+378.016:16

С.З. Гончаров
S.Z. Goncharov

УЧИТЬСЯ МЫСЛИТЬ

To learn to think

Аннотация. В статье критикуется постмодернистская философия, обосновывается необходимость преподавания студентам диалектической логики.

Ключевые слов: логические категории; формы мышления; диалектика; разум.

Abstract. The article substantiates the necessity of teaching students with dialectical logic and criticism of post-modernist philosophy.

Keywords: logical categories; forms of thought; dialectic; the mind.

Вице-президент Российской академии образования Д.И. Фельдштейн в ряде последних публикаций отмечает резкое снижение качества диссертационных исследований, в частности, методологическую эклектику [20]. Идея «парадигмальности», пишет академик РАО В.И. Загвязинский, привела к неоправданному методологическому плюрализму, когда основаниями диссертаций объявляются до десятка и больше различных подходов, идей и теорий, и непонятно, как они объединяются и взаимодействуют. Необходимо, заключает В.И. Загвязинский, – «методологический ликбез» [10, с. 94–95]. Тревога упомянутых авторов обоснована. Одной из причин эклектики в области методологии является, на наш взгляд, изменения в области ведения философии в вузах, а также просчеты в преподавании курса «История и философия науки» для аспирантов и соискателей.

В связи с переходом на бакалавриат количество учебных часов, отведенных на дисциплину «Философия», уменьшилось свыше 2-х раз. Понятийному мышлению уделяется в учебной литературе недостаточно внимания, а *всеобщие формы мышления* вообще не обсуждаются.

В учебной литературе (учебниках, учебных пособиях) по дисциплинам «Философия», «История и философия науки» тоже есть

досадный изъян – понятию мышления и его всеобщим формам (качественным, количественным и мерным соотношениям, сущности, явлению, действительности, всеобщему, особенному и единичному др.) вообще не уделяется места.

Между тем понятийное мышление есть *субъективная основа* науки, а содержательные формы мышления суть всеобщие схемы понимания и преобразования реальности; на них основаны *методы* науки – качественные, количественные, структурные, структурно-функциональные, системные, вероятностные и др.

Формы мышления *составляют всеобщий и основной логический категориальный состав* научного мышления; они шлифовались на протяжении тысячелетий в процессах *коллективной деятельности, общения и общественных отношений*. Их значимость в науке отлично раскрыл Э.В. Ильенков в своих трудах. К. Маркс в письме к Энгельсу заметил, что «большую услугу» в систематизации 3-х частей «Капитала» ему оказала «Логика» Гегеля. Речь шла о всеобщей схеме понятийного синтеза в развитии теории – всеобщего, особенного и единичного (конкретного всеобщего)[16,с.212]. Мы попытались изложить субъективные и объективные основы возникновения и развития всеобщих форм мышления, а также их функции в познании [4; 5].

Вне упомянутого логико-категориального аппарата разлагается теоретическая мысль, что убедительно демонстрируют публикации постмодернизма.

От финансовых пирамид к пирамидам значений

Современная буржуазная социальность следующим образом задает особый стиль мышления, представленный в постмодернистской философии.

1. Если ныне в капиталистической экономике финансовый капитал все более отрывается от производительного капитала, а деньги – от товарной массы (лишь 5% долларовой массы обеспечены товарами), то постмодернисты *отрывают значения от обозначаемого* (от референта, от действительности)! Карта стала важнее реальности.

Предметно ориентированное мышление понятно и естественно, писал Э.В. Ильенков, – «для тех классов, людей, которые преобразуют своими руками неподатливый материал природы, постигая в ходе этого преобразования его собственные свойства и зако-

номерности изменения, и для той науки, которая ясно видит свою генетическую связь с этим реальным процессом и старается понять его закономерности, чтобы сделать руки умнее, чтобы научить их работать с материалом в согласии с его собственной природой, а не вопреки ей» [7, с. 106].

2. Если в капиталистической экономике производство прибавочной стоимости, деньги стали самоцелью, то у постмодернистов самоцелью выступает манипулирование значениями в таких *причудливых формах*, что аналитики обоснованно квалифицировали постмодернистский стиль мышления как «шизофренический дискурс». Философ С. Н. Мареев квалифицировал метафизику постмодернистов как метафизику тела, «анально-оральных выделений, кожи, гениталий и шизофрении». Это своего рода нарочитый изыск, «что-то вроде редкой породы собачек или однополой любви» [13, с. 456 – 457].

И. А. Гобозов приводит такой факт. Физики А. Сокал и Ж. Брикмон (США), удрученные интеллектуальным перерождением американской университетской интеллигенции, провели оригинальный эксперимент: написали пародию на «дискурс» постмодернистов под абсурдным названием «Нарушая границы: к трансформативной герменевтике квантовой гравитации», наполнив статью явными нелепостями, в частности утверждая, что известное число π Евклида и сила притяжения G Ньютона являются исторически преходящими, так как физическая реальность является *лингвистической* и социальной конструкцией, нарративом, большим рассказом. Эта статья была опубликована в модном культурологическом журнале «Социальный текст» в специальном номере как ответ на выступление отдельных ученых против постмодерна [3, с. 103– 105]!

3. Либеральной идеологии, призывающей освободиться от *государственного регулирования и контроля*, соответствует отказ постмодернистов *от культуры мышления, от логической дисциплины*. Научная методология подменяется «правилами игры». История представляется как архив, на полках которого можно произвольно выбирать то, что заблагорассудится. Если идет речь о различии чего-либо, то оно абсолютизируется так, что отрицается *тождественное в различиях*, если мысль постигает многообразие, то отрицается *единство в многообразии*. Главное – надо «различать», главное – «фрагментарность». «Именно эта пугающая фрагментарность

всего нашего интеллектуального наследия, – пишет американский профессор К. Харт, – характеризует постмодернизм во всей его неприкрытой сути» [21, с. 117].

Но научная мысль тогда открывает новую грань бытия, когда за различиями она схватывает существенное *тождество*, за многообразием – *единство*. И. Ньютон за падением яблока и движением планет мысленно увидел *одно и то же* – действие силы гравитации и стал классиком в науке. За пестрым многообразием экономических факторов К. Маркс постиг *единую* природу производства капитала. Прежде чем различать, например, производство капитала в США и в Японии, необходимо установить, *что такое производство капитала вообще*; ибо различия имеют логический смысл только в рамках определенного тождества. Иначе мы будем иметь не существенные различия, а эмпирическую *разность непонятнейшего* уровня: в огороде бузина, а в Киеве – дядька.

Для М. Бланшо одним из «неизменных и мощных противников было единство» [21, с. 115]. Единство самосознания, идентичность личности в смене ситуаций, единство территории страны, единство государства и т. д. – это, оказывается, нечто тоталитарное, некие оковы; но оковы лишь для мышления, которое не ведает или отказалось от культуры разумного мышления (диалектики), соединяющего противоположности в продуктивный и важный именно *практический синтез в реальной жизни*.

Люди независимо от философских построений работают друг на друга, ежечасно, повседневно творят *единую* связь, делают *практический синтез* из раздробленной единичности, из тех или иных элементов и частей, соединяют их в целое. Из *практического синтеза следует и синтез логический* – понятийное связывание эмпирического материала. Философия, которая отвлекается от этой повседневной непосредственной деятельности миллионов людей, от социальной ответственности каждого, кто включен в *общее дело*, не может быть содержательной; собственно говоря, это не философия. *Логику ценит тот, кто ценит труд и тружеников*. В отличие от авторов «дискурсов» человек созидательного труда признает логику и стыдится, чувствует себя неловко, когда его упрекают в нелогичности дел и мыслей.

После трудов Гегеля как-то неудобно напоминать о том, что хвататься за одно определение (различие, часть, многообразие и т. п.), игнорируя противоположное (тождество, целое, единство

и т. д.), означает разложение теоретической мысли с печальными последствиями на *практике*. Мыслить логически, заметил Маркс в беседе с социологом М. М. Ковалевским, «можно только по диалектическому методу, ну а нелогически, – хотя бы и по позитивно-му» [11, с. 315], особенно, добавим, по-постмодернистски.

Философская диалектика оформила в понятиях исторический жизненный опыт различных народов – умение *разрешать противоречия путем соединения противоположностей в гармонию, в лад, в справедливое сочетание интересов* индивидуальных и общих. Такое умение требует всякий раз не только напряжения ума, но и совести, чувства общности, солидарности, сочувствия, понимания достоинства иных людей, взаимного уважение, аскезы. *Всеобщей формулой* такого соединения противоположностей является – это великое открытие Гегеля – *гармония всеобщего, особенного и единичного*. За этой логической формулой Гегеля скрывается, конечно, социальная связь людей. У Гегеля и Маркса диалектика является логикой процесса – *нарастания конкретности* в развитии целого путем разрешения противоречий. Противоречие есть форма, в пределах которой противоположности, дополняя друг друга своими содержаниями, срастаются в новое, более развитое образование. Именно в противоречиях проходят *апробацию и тест на жизнеспособность* те или иные содержания. И выдержав противоречие, они сливаются в конкретное целое. Поэтому противоречия – не столько источник деструктивности, разлома и гибели, сколько способ вращения жизнеспособных конкретных форм.

Если в мышлении разумно восходить к конкретному содержанию, то *не менее разумно это осуществлять и на практике*, в повседневной жизни, в практическом синтезе, что задолго до Гегеля индивиды делали и делают поныне – в семье, коллективе, в общении, в управлении, в самовоспитании, в духовном преодолении соблазнов. Умение работать в коллективе, сопрягать «мое» и «твое» в «наше» – это жизненная *повседневная диалектика*. Гегель мудро выразил это жизненно важное умение. И это умение каждый вынужден самостоятельно обретать и на своем опыте, и на опыте классической философии, чтобы не потерпеть жизненного крушения.

Надо потерять здравие ума, чтобы отказаться от исторического опыта разрешения противоречий, от диалектической традиции философии, признать диалектику выдумкой, впасть в ту узколобую субъективность, которая за поверхностью явлений не постигает

существенного основания, за пестротой многообразных внешних событий – устойчивые (закономерные) тенденции, и мнить себя при этом некоей референтной фигурой, на самом деле фигурой «элитарной» в пустяках и курьезах, в слабomyслии и безответственности.

То, что люди вне философии делают *практически*, диалектическая философия выражает *теоретически*, транслируя опыт творческого соединения противоположностей, будь то тождественное и различное, основа и обоснованное, целое и части, необходимое и случайное, многообразное и единое. Отказавшись от наследия классической философии, авторы постмодернистских построений отказались от древнего искусства и от теории разрешения противоречий, настаивая на *мозаично-клиповом* характере культуры, в которой индивид скользит по поверхности, не имея возможности укорениться в *основу* общественного жизненного процесса, в то единое основание, в пределах которого только и можно понять синтез противоположностей.

4. *Антиреализм, антиосновность* существенным образом характеризуют постмодернистское мышление. Лишь подменив реальность «картой», обозначаемое – знаками, только выбросив из логического арсенала категорию *основы* (а значит, закономерности, субстанции, причины, взаимодействия), можно произвольно жонглировать терминами и «дать волю спекулятивному коню». Соединять противоположности в гармонию можно лишь в пределах обшей для них основы.

Из антиреализма и антиосновности с необходимостью следуют присущие постмодернистским построениям *номинализм, релятивизм, внеисторизм, потеря предметного содержания мысли, крайний субъективизм, безответственная игра терминами*, а в целом *разложение* теоретической мысли и превращение философии в рассказы о том, о сем, в литературоведение. Антиосновность – «лучший способ» представить постмодернизм, пишет К. Харт [21, с. 54].

Культура мышления сфокусирована в категориальной триаде «всеобщее – особенное – единичное». Это аргументировано Э. В. Ильенковым на материале наследия К. Маркса [8].

Всеобщие нормы, образцы *вырастают из отдельных случаев* в стихии повседневности. Классики марксизма в отличие от их эпигонов «всегда держали в уме тот простой факт, что всякая высшая форма бытия фундируется в способах бытия более низших форм»

[12, с. 5]. Удерживать в воображении повседневность в исследовании *системных связей целого* – значит мыслить *исторически конкретно*, соединяя *всеобщие* определения целого с их *особенными* и *единичными* модификациями так, как они реализуются в ткани общественного бытия и представляются в общественном сознании. Новое понимание истории вызревало как осмысление повседневных процессов бытия (см.: «Положение рабочего класса в Англии» Ф. Энгельса); люди вынуждены ежедневно воспроизводить средства жизни и тем самым отношения друг другу по поводу производства своей жизни и формы своего мышления. Осмысление повседневных структур привело к оформлению собственно марксистской методологии – к ее историчности и *жизненной конкретности*.

Разъединение *всеобщих (формационных)* определений социального бытия, *особенных (национально-культурных)* и *единичных (повседневной реальности)* неизбежно ведет к научному *бесплодию*, или к *пустой формалистике* категорий, или же к фрагментации, мозаичности социальной реальности и сознания. Формационные (всеобщие) и национально-культурные процессы (особенное) реализуются посредством живой, непосредственной деятельности и общения конкретных индивидов в конкретных условиях (единичное), «оживают» в этой стихии и в ней же получают импульсы к *приращению* своего содержания. И лишь мысленно удерживая *триединство этих уровней (В–О–Е)*, можно осуществлять *конкретно-историческое* исследование, можно понять, почему, например, США и Япония при едином способе производства представляются столь различными в сфере производства: на предприятиях США – строгая регламентация в духе системы Тейлора; для японских же предприятий характерен пожизненный найм с неформальными полусемейными отношениями по типу традиционно-общинных. Один и тот же способ производства преломляется через различные национально-культурные особенности и различное историческое наследие этих стран.

Диалектический метод Маркса схватывает не только *всеобщее* («номотетическое»), но и *особенное* («индивидуализирующее»), национально-культурные особенности и *детали повседневной, непосредственной жизни*, в которой преломляются формационные и национально-культурные процессы. Искусственное разделение неокантианцами методов познания на номотетический (естествознание) и идеографический (история) связано с рассудочным *отрывом*

всеобщего от особенного и единичного. Метод исследования К. Маркса обязывает исследовать всеобщее через *его противоположности* – на основе единичного и особенного. А в единичном и особенном схватывать *всеобщие* закономерности. Формационный уровень выражаются в повседневности так же, как *сущность* выражается в мире *явлений, видится, отражается* в них.

5. А. Сокал и Ж. Брикмон выявили в мышлении постмодернистов такие изъяны: а) используются научные термины, без учета того, что реально они обозначают; б) обычным стал перенос понятий точных наук в гуманитарную область; в) авторы ошеломляют читателя использованием терминов в такой связи, которая не имеет смысла. «Речь идет о самом настоящем отравлении словами и удивительном безразличии к их значениям» [19, с. 19]. Отказ постмодернистов от предметного мышления губит образование и культуру. «Студенты учатся повторять и выстраивать рассуждения, в которых они мало что понимают. <... > В конечном счете, обдуманно невразумительные рассуждения и сопутствующая им интеллектуальная бесчестность отравляет часть интеллектуальной жизни и усиливают и без того распространенный среди населения примитивный антиинтеллектуализм» [19, с. 168–169]. «Элитарность» постмодернистов заключается в их претенциозном жаргоне, отрывающем думающих людей от реальным проблем и направляющем умы в «стерильные споры».

И. А. Гобозов делает вывод: «Сочинения постмодернистов порой бессмысленны и бессодержательны. Их можно воспроизводить бесконечно и никакого научного прогресса никто не заметит» [3, с. 109]. Свою книгу он заключает так: «Поэтому пока в общественном сознании и философском мире доминирует постмодернизм, не приходится ждать взлета философской мысли. Пока философия катится вниз и не видно, когда это прекратится» [3, с. 198].

6. Буржуазное общество исчерпало собственные ресурсы созидания, оно питается энергиями «развивающихся стран» и всюду понижает ранг ценностей и ценностное вдохновение, отрицает иерархию ценностей. Постмодернистская философия – это *зеркало игры на понижение*.

7. Постмодернизм очень *востребован политической практикой* Запада для *манипулирования* общественным сознанием, в частности:

- ставка на подмену обозначаемого знаками позволяет увести сознание в виртуальный мир произвольных построений, грез и мифов;

- номинализм, отрицание той единой связи, которая соединяет части в целое (граждан – в соотечественников, экономику, политику и культуру – в целостность, прошлые события и современность – в историю, различные поколения – в социокультурную и духовную преемственность), служит лучшим способом превратить народ в блуждающие потоки населения, в механическую сумму атомарных одиночек (номинализм) без служения отечеству, без духовной солидарности, без великих целей, проектов и общего дела;

- релятивизм (все относительно) размывает нравственные устои, социокультурную идентичность личности и народа, ценностную стратегию в развитии страны, разрушает основы духовной интеграции и солидарности народа.

Эти практические плоды якобы стерильного постмодернизма ловко выращиваются политиками Запада в «развивающихся» странах.

Постмодернистский дискурс входит в состав современного организационного и концептуального оружия и реализуется в иных странах в форме «вылотекущих катастроф», намеренно организованного хаоса.

Уже в восьмидесятые годы, отмечает аналитик С. Батчиков, США начали активно использовать в разных регионах планеты «технологии конструируемого хаоса». Причем в качестве механизмов «создания хаоса» один из главных экспертов по России и постсоветскому пространству Стивен Манн совершенно открыто называет «содействие демократии и рыночным реформам» [1]!

Поскольку сегодня «хаос» – модный термин не только в постмодернистской философии, но и в российских околофилософских кругах, то есть смысл проанализировать, как хаотизируется сознание на примере переноса представлений синергетики в гуманитарную область.

О синергетике, редукции и кукурузе

Комично то, что находятся простецы, всерьез заявляющие о «конструктивной роли хаоса», о том, что хаос – источник порядка! Гипноз такой фразеологии исходит от фетишистской установ-

ки: Запад – это эталон; что исходит из уст западного теоретика, есть истина; Запад прав не потому, что он решил истинно, а в первую очередь потому, что он – Запад! Вспоминается высказывание А. В. Суворова о том, что наши западники орла на отечественном дереве называют вороной, а ворону на зарубежном дереве называют орлом. Уместно и замечание К. Маркса: «Русские аристократы в юношеские годы воспитываются в немецких университетах и в Париже. Они гонятся всегда за самым крайним, что дает Запад» [15, с. 472].

Ученый призван погрузиться в *предмет* своего исследования, вжиться в него и говорить о *нем и из него*. Не следует говорить об одном предмете языком другого предмета; тем более переносить качественные особенности из нижних уровней организации на высшие уровни. Такие переносы, как правило, ведут к *редукционизму* – огрублению, стиранию «индивидуальности» исследуемой предметной области.

У Хрущева Н.С. был «один восторг» от кукурузы без какой-либо рефлексии относительно климатических условий Сибири. Можно предсказать, что «восторг» от синергетики пойдет по ниспадающей уже потому, что использование «синергетики» без меры и *предметного* должного *наполнения* набьет оскомину, и частотность использования этого термина будет обратно пропорциональна предметным результатам исследования. Но, глядишь, появится новый термин-кумир, новый «аттрактор». И породит очередной «восторг без рефлексии».

В какой мере обоснован перенос закономерностей, присущих открытым системам термодинамики, на психику, образование, общение, культуру и др.? Что он дает для понимания *своеобразия* психики человека, образования, общения?

Не откроется новая смысловая грань, если «представить профессиональное становление личности как *открытую, нелинейную и неравновесную систему*» или же «флуктуацию» объявим «ключевым понятием» для выражения «неустойчивости, неравновесности психического развития личности», или же будем рассматривать «образование», «воспитание» «как самоорганизующиеся системы», а субъектность в свете великого учения синергетики, будем понимать как «диссипативную структуру». Ибо возникнет не приращение знания, а переодевание терминов – сложных в простые. Не углубят наше знание и «аттракторы» на жизненном пути человека. Как не углуб-

ляет наше знание декларации о том, что экономика – это система, психика – система. Грабли ведь тоже система, хотя и механическая. Можно дать типологию систем, моделировать их взаимное влияние и совершать иные «методологические процедуры». Но одними граблями «овошей» на ниве науки не вырастишь. Нужны *предметные* исследования. Гегель, наследуя идеи Канта, ввел в философию понятие системы и мастерски мог раскрывать предмет конкретно как единство многообразного. Он исходил из *созерцающего мышления*. Понятие системы он разработал на материале духовной культуры – религии, философии, искусства, нравственности. За термин «система» так ухватились в дальнейшем, что это важное понятие, не подкрепленное предметным созерцанием, было профанировано и стало после Гегеля синонимом пустой схоластики и формалистики. В связи с такой профанацией К. Маркс ядовито заметил, что и голова монарха, и вошь в его голове в равной мере «системы».

Упование на хаос как на источник порядка можно объяснить, пожалуй, лишь удивительным доверием к публикациям тех авторов, которые «на слуху». Например, предлагают реализовать синергетику в педагогике через «способы организации обучения, которые базируются на использовании сильно неравновесных состояний и свойств хаотизированных систем, обладающих способностью активизировать приспособительные процессы и повышать эффективность овладения новым знанием». Но хаотизация сознания школьников или студентов приведет к печальным результатам.

Вот еще один пример гипнотического состояния от внушений популяризаторов синергетики. «С позиций синергетического подхода развитие субъекта профессионализации как сложной динамической системы характеризуется нелинейностью и неравновесностью. Непрерывное функционирование профессионально-психологических компонентов субъекта сопровождается колебаниями (флуктуациями), обеспечивающими его поступательное развитие в определенном направлении (аттрактор). <...> Сильные флуктуации способствуют образованию моментов неустойчивости системы (точки бифуркации)». В воображении возникает не субъект образования, а объект *термодинамики*. «Концепция синергетики позволяет рассмотреть структуру субъекта деятельности <...> как неравновесную, неустойчивую самоорганизующуюся систему, обладающую определенным запасом негэнтропийной устойчивости». А математика позволяет, например, считать людей на митинге так же,

как камешки на берегу, ибо и субъекты, и камешки суть в равной мере *дискретные части пространства*. Механика «позволяет» определять вес субъектов и камешков, ибо те и другие – *масса*.

Призывают в отношении студентов «рассматривать каждого из них как сложную, открытую, самоорганизующуюся систему». Давайте, рассмотрим! Что же мы будем мысленно созерцать в этом, весьма неопределенном, поле значений – «сложная, открытая, самоорганизующаяся система»? В этом ментальном поле можно созерцать и открытую неравновесную термодинамическую систему, и муравья, и бабочку, и kota, и студента. Все отличительные особенности «личности студента» исчезли, испарились. Что же можно выколотать из такой «системы» для понимания личности студента?

Предлагается ввести синергетику в школу для воспитания «нелинейного мышления», которое ориентировано на «необходимость и конструктивную природу хаоса, неустойчивости и случайности». Как понимать «необходимость и конструктивную природу хаоса»? Ведь школьники могут сделать далеко не конструктивные выводы. Почему бы не использовать более эвристичные проблемные методы путем постановки на материале конкретных наук антиномий, противоречий, которые действительно побуждают к самостоятельному мышлению, как свидетельствует педагогический опыт.

Доверие к «дискурсу» синергетики настолько сильно, что предлагается использовать «синергетический подход прежде всего в качестве *мировоззренческой позиции*»: «будущее неопределенно и непредсказуемо в принципе», следовательно, ситуация «неуверенности в завтрашнем дне» и т. д. есть «норма, а не исключение из правил». Мысль автора можно продолжить применительно к «неравновесному» состоянию России: ныне в стране мало порядка, а больше беспорядка («хаоса»). С точки зрения нового великого учения такое положение вселяет оптимизм, ибо правомерен «порядок из хаоса», согласно в одноименной книге И. Пригожина и И. Стенгерс.

В свое время неумный восторг от диалектики побуждал многих излагать закономерности атомных и субатомных процессов, химических и биологических взаимодействий и даже описывать торговлю арбузами обязательно диалектически, чтобы было «как у Маркса». А ныне так пишут, чтобы было «как у Пригожина». Между тем диалектика есть *метод теоретического мышления*. Чтобы излагать предмет диалектически, необходимо довести свое осознание предмета до уровня *понятий*. Когда же хватало эмпири-

ческие факты и сразу излагали их «диалектически», то получался конфуз. Многотомные «труды» по такой диалектике давно забыты. Диалектический же метод мышления юн, нов и креативен. Приведем выдержки из статей, которые написаны «как у Пригожина». Мы специально не указываем авторов цитат потому, что речь идет о целом поветрии гоняться «за самым крайним, что дает Запад». Восторг от синергетики ныне сменяется восторгом от «виртуалистики», «виртуальной реальности».

Итак, экскурсы в гуманитарную область с «позиций синергетики» пока напоминают очередную «кукурузу». Из порядка понятий родилась «неопределенность» в той части, где авторы механически привносят «синергетику».

Меньше всего нам хотелось бросить тень на синергетику, как это имело место относительно кибернетики и генетики. Речь идет лишь о примерах необоснованных экстраполяций ее представлений на гуманитарную область.

В синергетике опытный материал был осмыслен, в частности, с позиций «самоорганизации». Эту схему взята, конечно, из *человеческой* жизни. Причем, в том узком аспекте, который имеет нечто общее со способом активности природных образований. В приведенных выше высказываниях авторы *возвращают «самоорганизацию» из природы в гуманитарную область, но уже в редуцированной форме*. И под такую крайне бедную форму подгоняют гуманитарную эмпирию: и система образования, и личность студента, и субъект профессиональной деятельности суть открытые, неравновесные, самоорганизующиеся системы! Это классика редуционизма!

В политике существует стратегия: посеять в обществе *хаос* путем «впялотекущей катастрофы», а затем направить хаотические процессы к нужному *порядку*, предусмотренному стратегией. Такую стратегию граждане России ощущают на себе. В восторгах от синергетики можно и страну потерять, уверовав в «конструктивность хаоса». Физик С. И. Яковенко едко и точно отмечает: «попытка приписать роль источника порядка диссипативным процессам <...> несостоятельна. Она в какой-то мере аналогична попыткам некоторых религиозных течений поставить дьявола на место Бога» [23, с.50]. «Здание синергетики, – отмечает М. И. Штеренберг, анализируя вопрос о хаосе и порядке, – построено на шатком основании» [22, с. 96]. М. А. Дрюк делает вывод: «спекулятивная интерпретация явле-

ния с позиции самых общих представлений о синергетике не продвигает исследователя в решении проблем ни на шаг без реального наполнения позитивным содержанием» [6, с. 112–113]. Авторитетный теоретик и методолог в области педагогики уже упомянутый нами В.И. Загвязинский отмечает: «К тому же попытки применить синергетику как методологическую основу педагогического поиска привели только к терминологическому переодеванию под новую терминологию (точка бифуркации, аттрактор и др.) уже хорошо известных процессов и закономерностей» [10, с. 96].

Пора осмыслить диалектику рационально

Многотомные неудачные изложения «материалистической диалектики» закончились усталостью потому, что их авторы не развивали наследие И.Г. Фихте, Гегеля и К.Маркса и представляли саму диалектику как онтологию [см.: 17].

Между тем Гегель понимал логические категории как исторически определенные способы *осознания* реальности, и последовательность категорий в «Науке логики» он обосновывал вполне *опытно*: как они возникали в истории философии и науки, а также тем, как они необходимостью возникали в сознании индивида.

Исторические *формы осознания реальности* Гегель выражает как *логические категории*: категория *бытия* представлена в философии Парменида, категория *ничто* – китайской и индийской философией, категория *становления* осознана Гераклитом, категория *для-себя-бытия* связана с атомами Демокрита, *количество* выражено в философии Пифагора, *мера* – Протагором, категория *сущности* раскрыта Платоном, категория *понятия* – Аристотелем и т.д. [18, с. 36].

Что выражали эти категории в истории философии? Очевидно, новые *способы воссоздания предмета в мышлении*. Последовательность этих способов в истории философии следует представить *теоретически*, т.е. выразить *историческое логически*, в чистом виде, свободном от исторических случайностей. Что же это даст? Это раскроет *последовательность* в воссоздании предмета в мышлении. Такая последовательность будет *руководством* при развитии теории в любой области, независимо от предметных различий.

Последовательность в раскрытии форм мышления (логических категорий) Гегель обосновывал не только ссылками на историю философии, но и на закономерности в развитии осознания реально-

сти субъектом: В «Феноменологии духа» Гегель описывает особенности *чувственного сознания, самосознания* (рассудка) и *разума*. В «Науке логики» он раскрывает логическое содержание этих формобразований сознания: учение о *бытии, сущности и понятии*.

У Гегеля в «Науке логики» в учении о «бытии» изложены схемы работы чувственного сознания, а в учении о «сущности» – способы ее осознания. Чувственное восприятие не идет дальше качественных и количественных определений предмета. *Категории качества, количества и меры есть логическое содержание чувственного сознания, погруженного в предмет*. «Непосредственное чувственное сознание, поскольку оно также и мыслит, – уточняет Гегель, – ограничивается преимущественно абстрактными определениями качества и количества». Это сознание – наиболее конкретное «лишь по материалу; но с точки зрения его мыслительного содержания оно, напротив, есть самое бедное и абстрактное» [2, с. 216].

Степень конкретности мыслительного содержания выступает у Гегеля *критерием последовательности* в изложении категорий. Степень же конкретности определяется *практической значимостью* знания. Конкретное знание дает большую *свободу и власть* в практических делах. Поэтому категория *причинности, взаимодействия* является в учении о сущности завершающим категориальным рядом. Знание причин явлений позволяет субъектам изменять реальность согласно целям.

Если категории качества, количества и меры выражают всеобщие схемы работы *эмпирического уровня познания наличного бытия предмета (качество – количество и мера)*, то категории сферы *сущности* есть способы теоретического уровня познания сущности: тождество – различие – основа; основа – обоснованное – самообоснованное; материя – форма – содержание; целое – части – элементы; система – структура – элементы; возможность – действительность – необходимость; причина – следствие – взаимодействие.

Сознание наполнило себя предметным содержанием и воспроизвело его на языке человеческих аналогий. Если же мышление направит себя на само себя и попытается выявить те всеобщие аналогии, посредством которых оно выражало определения предмета на уровнях наличного бытия и сущности, то окажется, что всеобщими схемами его работы на первой и на второй стадиях являются катего-

рии *всеобщего, особенного и единичного* (В – О – Е), «категории всех категорий» (учение о понятии).

Все предшествующие триады категорий есть лишь частные случаи этих трех категорий, которые образуют *духовный органон* категориального мышления (В – О – Е), тот способ, каким мыслящая голова, по выражению К. Маркса, уясняет себе конкретное как *мысленно конкретное*.

Так, движение мысли от установления качества к установлению количества и меры есть восхождение от единичного (качество) ко всеобщему (количество) и особенному (мера): Е – В – О. Движение мысли от сущности к миру явлений этой сущности и к действительности есть движение от всеобщего (сущность) к особенному (мир явлений) и к единичной целостности (действительность) (В – О – Е). По такой же схеме построены вышеупомянутые отношения: тождество (В)–различие (О)–основа (Е) и т.д. Более того, все фигуры силлогизма есть лишь разные комбинации отношения В – О – Е. Схемой определения понятий тоже является данное отношение: понятие определяется через ближайший род (В) и в рамках рода дается видовое отличие (О).

Диалектика мышления, как доказал Гегель, состоит в следующем. Рассудочная стадия мышления ограничивается противопоставлением всеобщего и особенного: качество и количество, единое и многообразное и т.п. Разумное же мышление восходит к синтезу парных категорий в третьей категории: качество – количество – мера и т.д. Главное же заключается в умении *схватывать в особенном всеобщее*: в пестром мире явлений их единую сущность, в многообразии случайностей – закономерность и т.п.

Если исторически всеобщие связи вырастали из *единичных и частных* форм, то затем на определенной стадии развития происходит «оборачивание»: всеобщие связи *подчиняют* себе особенные и единичные формы, пульсируют в них и делают их своими собственными «органами». Так, капитал вызревает в лоне товарных отношений, а затем целиком подчиняет их себе на стадии капиталистического производства.

Поэтому учение о понятии в «Науке логики» Гегеля является *итоговым*, самым важным для научного мышления. К. Маркс как раз взял из гегелевской «Науке логики» учение о понятии и сделал свой знаменитый черновой набросок «Метод политической экономии», главным содержанием которого является развитие мысли от

содержания абстрактного к конкретному, согласно схеме В–О–Е. Что это именно так, мы обосновали самым детальным образом, раскрыв саму суть развертывания всего содержания «Капитала» в его трех томах [4, с. 163–179]. Изложение всего «Капитала» Маркс детально расчленяет по формуле В – О – Е [14, с. 226].

Самое главное состоит в том, что данная формула указывает на опорные пункты в развитии понятия: *мысль восходит от генетической исходной формы (В) к тем особенным ее формообразованиям (О), которые, возникнув в лоне всеобщего, обретают свои отличительные особенности и, далее, срastaются друг с другом, образуя тем самым конкретно-всеобщее, единичную целостность (Е) той или иной предметной области.* Реальная целостность воссоздается в понятиях как *мысленная конкретность* в единстве многих особенных определений.

И если бы Маркс, как он предполагал, написал бы «Диалектику» «на двух – трех печатных листах», то «Диалектика» представляла бы своим содержанием чеканное изложение метода мышления, который был представлен в упомянутом наброске («Метод политической экономии»). Не случайно, Э. В. Ильенков свой фундаментальный труд [8] посвятил именно восхождению от абстрактного к конкретному как логической форме, соответствующей диалектике.

Не менее фундаментальный труд И. А. Ильина «Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека» тоже связан с диалектикой абстрактного и конкретного. И.А. Ильин так выразил последовательность развития форм мышления и мысленного воссоздания предмета, которая содержится в «Науке логики» Гегеля: *бытие качества в количестве находит свою меру; сущность мерного бытия проявляется в действительности* и выражается в *понятии*; понятие восходит от неопределенной *всеобщности* к конкретным *особенным* мыслеопределениям и синтезирует их в единую мысленную целостность, в *единичность* как конкретную всеобщность [9, с. 252 – 253].

Единение В – О – Е есть *эталон* для понимания *намеков* на такое единение и в иных областях, будь то живая природа или социальная реальность. Например, из клетки развивается клеточная ткань, из клеточной ткани – организм, из семени вырастает раскидистое дерево.

Разум *есть рефлексированное в себя и знающее само себя соотношение В – О – Е*. Поэтому разум всегда исходит из *целого*, из *всеобщего*, из идеи, чтобы из свернутого всеобщего развернуть богатство особенных частей и синтезировать их в единичную целостность.

Поскольку в самой реальности (природной и социальной) в той или иной мере устанавливается на определенное время гармония между единичным, особенным и всеобщим, то есть все основания утверждать о том, что *разум не инороден универсуму*, что он пребывает в нем, например, в живом организме, где все члены дружно кооперируют свои усилия согласно мере целого; что разум, отмечал К. Маркс, всегда был в истории, хотя не всегда в разумной форме. Единение В – О – Е есть тот эталон, в «окрестностях» которого, выражаясь языком математики, колеблются все образования, сотворенные бессознательно природой или созданные разумными существами. Единение В – О – Е дарует *гармонию* в жизни целого, будь то живой организм, семья, коллектив, государство или общность народа.

Соотношения категорий разумного мышления В – О – Е суть *высшая алгебра* в понимании содержания всякого опыта и *всеобщая схема* синтеза данных из области физики и биологии, социологии и психологии, теологии и т. д. Схема В – О – Е есть доступный обозрению, *законченный шаг в отождествлении различного*, в синтезе многообразного; в этой схеме заключены, как в Святой Троице, все диалектические соотношения – единство противоположностей, отрицание отрицания, снятие, все фигуры умозаключения и др. Более того, версия Гегеля о гармонии В – О – Е есть не что иное, как логическое выражение образа Святой Троицы, в которой каждая ипостась нераздельна, но и неслиянна.

В трудах Э.В. Ильенкова основательно был проработан категориальный аппарат диалектики и не стоит отказываться от этого наследия, как и самой философской диалектики в курсах «Философия», «История и философия науки». Тем более, что студенты, став аспирантами и соискателями, вообще не знакомы с категориальным аппаратом мышления, так как этот понятийный состав им, как правило, не раскрывался в курсе философии. В современных условиях обострения классовых противоречий диалектика возьмет реванш: воскреснет культура диалогов Сократа, и Гегель с К. Марксом вновь напомнят о себе.

Список литературы

1. *Батчиков С.* Либеральное мифоложество – 2 / С. Батчиков // Газ. Завтра. 2007. № 22 (706).
2. *Гегель Г. В. Ф.* Наука логики: в 3 т. Т. 1. / Г.В.Ф. Гегель. Москва: Мысль, 1970. 501с.
3. *Гобозов И. А.* Куда катится философия. От поиска истины к постмодернистскому трепу: филос. очерк И.А. Гобозов. Москва: Изд. Савин С.А., 2005. 200 с.
4. *Гончаров С.З.* Логико-категориальное мышление: в 3 ч. Ч. 1 Субъективная основа возникновения и развития мысли / С.З. Гончаров. Екатеринбург, Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-та», 2008. 274 с.
5. *Гончаров С.З.* Логико-категориальное мышление: в 3 ч. Ч.2. Объективная основа возникновения и развития мысли / С.З. Гончаров. Екатеринбург, Изд-во ГОУ ВПО «Рос. гос. проф.-пед. ун-та», 2008. 344 с.
6. *Дрюк М. А.* Синергетика: позитивное знание и философский импрессионизм М.А. Дрюк // Вопросы философии. 2004. № 10. С. 102 –113.
7. *Ильенков Э.В.* Гегель и герменевтика / Э.В. Ильенков // Ильенков Э.В. Искусство и коммунистический идеал. Москва: Искусство, 1984. С. 77–106.
8. *Ильенков Э. В.* Диалектика абстрактного и конкретного в научно-теоретическом мышлении / Э.В. Ильенков. Москва: РОС-СПЭН, 1997. 464 с.
9. *Ильин И. А.* Философия Гегеля как учение о конкретности Бога и человека / И.А. Ильин // Собрание сочинений. Т. 1. Учение о Боге. Москва: Русская книга, 2002. 600 с.
10. *Загвязинский В.И.* Как прорваться в современность? / В. И. Загвязинский // Образование и наука. Изв. УрО РАО. 2012. № 7 (96). С.91– 97.
11. *Ковалевский М.* Встречи с Марксом / М. Ковалевский // Воспоминания о Марксе и Энгельсе. Москва: Политиздат, 1956. С. 306 – 316.
12. *Любутин К. Н.* Диалектика повседневности: методологический подход / К.Н. Любутин, П.Н. Кондрашов. УрГУ – УрО РАН – РФО. 2007. 295 с.

13. *Мареев С. Н.* Философия XX века: истоки и итоги / С.Н. Мареев, Е.В. Мареева, В.Г. Арсланов. Москва: Акад. Проект, 2001. 464 с.

14. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857 – 1859 годов / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1968. Т. 46. Ч. 1. 553 с.

15. *Маркс – Людвигу Кугельману.* 11 июля 1866 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, 1964. Т. 32. С. 447–449 с.

16. *Маркс – Энгельсу.* 14 янв. 1858 г. / К. Маркс // Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения: в 50 томах. 2-е издание. Москва: Политиздат, Т. 29. 1962. С. 211–213.

17. *Материалистическая диалектика:* в 5 т. / под общ. ред. Ф.В. Константинова и В.Г. Марахова. Москва: Мысль, 1981 – 1985. Т.1. 374 с.; Т. 2. 285 с.; Т. 3. 343 с. Т. 4. 320 с. Т. 5. 330 с.

18. *Ситковский Е.* Философская энциклопедия Гегеля / Е. Ситковский // Гегель Г. В. Ф. Энциклопедия философских наук: в 3 т. Наука логики. Москва: Мысль, 1974. Т. 1. С. 5–49.

19. *Сокал А., Брикмон Ж.* Интеллектуальные уловки. Критика современной философии постмодерна. Москва: Деловая книга, 2002. 216 с.

20. *Фельшдтейн Д.И.* Проблема качества психолого-педагогических диссертационных исследований и их соответствие современным научным знаниям и потребностям общества / Д.И. Фельшдтейн // Образование и наука. Изв. УрО РАН. 2011. №5 (84). С. 3–27.

21. *Харт К.* Постмодернизм / К. Харт. Москва: ФАИР–ПРЕСС, 2006. 272 с.

22. *Штеренберг М. И.* Синергетика и биология / М.И. Штеренберг // Вопросы философии. 1999. № 2. С. 95–108.

23. *Яковенко С. И.* Философия незамкнутости / С.И. Яковенко // Вопросы философии. 1996. № 2. С. 41–50.